
XXI СТОЛЕТИЕ: СОБЫТИЯ И ПРОЦЕССЫ

И. В. СЛЕДЗЕВСКИЙ, А. И. НЕКЛЕССА,
Т. Р. ХАЙРУЛЛИН

ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ТРАНЗИТ*

В основу работы положены материалы цикла научных мероприятий, проведенных 23 марта, 11 мая и 21 сентября 2022 г. Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН и Комиссией по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН на тему постколониальности и цивилизационного транзита. В ней приняли участие представители ряда ведущих научных и образовательных центров России. При всей острой актуальности темы конференции проблематика выступлений на ней вышла за рамки указанных вопросов и приобрела междисциплинарный характер. Многообразие изложенных точек зрения представлено в предлагаемой вниманию читателей статье краткими тезисами выступлений участников конференции. Авторы же резюмируют основные результаты проведенного обмена мнениями.

Ключевые слова: *постколониальность, цивилизационный транзит, синкопированный транзит, транзитивность, культурно-историческое знание.*

Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН совместно с Комиссией по социальным и культурным

Для цитирования: Следзевский, И. В., Неклесса, А. И., Хайруллин, Т. Р. 2024. Постколониальность и цивилизационный транзит. *История и современность* 2: 48–82. DOI: 10.30884/iis/2024.02.03.

For citation: Sledzevsky, I. V., Neklessa, A. I., Khairullin, T. R. 2024. Postcoloniality and Civilizational Transition. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 2: 48–82 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.02.03.

История и современность, № 2, июнь 2024 48–82

DOI: 10.30884/iis/2024.02.03

турным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН провели 23 марта и 11 мая научные семинары, а 21 сентября 2022 г. научную конференцию. Все три мероприятия были посвящены теме «Идея постколониальности в современных цивилизационных представлениях».

Актуальность, научная и практическая значимость научных мероприятий определялись быстрым развитием с конца XX в. идейного течения постколониальности (в более продвинутой версии – деколониальности), понимаемого как пересмотр и переоценка колониальной истории и ее наследия с позиций бывших покоренных народов, и – шире – как деколонизация социального и гуманитарного знания. Получившее развитие в конце XX в., это течение превратилось к настоящему времени во влиятельное направление общественной и научной мысли, объединяемое научным и идеологическим противостоянием европоцентристским подходам к истории, критикой в целом европоцентристской парадигмы модерности и ее долговременных колониальных позиций. Дискурс и парадигма постколониальности сегодня включают в себя множество связанных с постколониальным подходом теоретических направлений в философии, всеобщей истории, социологии, социальной психологии, политологии, гендерных и религиозных исследованиях, сравнительной культурологии, социально-экономической географии.

Цель конференции состояла в анализе и обсуждении места и роли идеи постколониальности/деколониальности в современных цивилизационных представлениях. На обсуждение были вынесены следующие вопросы:

- 1) глобальный цивилизационный контекст идеи (идеологии и теории) постколониальности;
- 2) региональный культурно-исторический контекст идеи постколониальности;
- 3) деконструкция в постколониальной теории прогрессистской теории развития и однолинейной европоцентристской модели модернизации;
- 4) конструирование в идеологии и теории постколониальности проектов (идентификационных образцов, ценностей, идеалов) незападного Иного, альтернативных по отношению к эталонным образам и идеалам «цивилизованного Запада» и в противовес активному навязыванию народам Азии, Африки, Латинской Америки западных культурных стандартов и моделей развития;

5) идеалы и практика реализации постколониальных моделей развития.

Постколониальная теория – это совокупность идей, в первую очередь связанных с объяснением политических, этических, экономических, исторических и социальных последствий европейского колониального правления во всем мире. Постколониальная теория имеет множество видов и подвидов, основывающихся на фундаментальном понимании того, что современный мир является итогом довольно продолжительной истории европейского империализма и колониального правления, быстрого развития индустриальной цивилизации Запада и мировой экспансии западной модели модернистского исторического мышления и культуры. Так называемые «европейская философия», «европейская литература» и «европейская история» содержат в себе существенное влияние европейской политики по отношению к угнетенным колониям. В связи с этим можно сказать, что бывший колонизированный мир находится в «забытом центре» глобальной современности. Приставка «пост-» к «постколониальной теории» не утверждает однозначно, что колониализм закончился. Скорее, большая часть постколониальной теории связана с затянувшимися формами колониального господства, экономического, политического и культурного наследия колониальных режимов после формального распада европейских империй. Другие формы постколониальной теории открыто пытаются представить себе мир после колониализма, но такой, который еще не наступил. Несмотря на наличие определенных недостатков, постколониальная теория остается одной из ключевых форм критических гуманитарных исследований в академических и иных общественных кругах (Следзевский и др. 2023; Ahluwalia 2000; Ashcroft 2008).

Постколониализм объединяет глубокую озабоченность традиционными европоцентристскими колониализмом и империализмом, тем, как они переносятся в настоящее, и тем, какое значение для нашего понимания международных отношений имеют неравенство и угнетение, присущие расовым, классовым и гендерным отношениям в глобальном масштабе. Обращая пристальное внимание на то, как эти аспекты глобального мира проявляются в конкретных контекстах, постколониализм дает нам важное и альтернативное концептуальное понимание того, какой набор теоретических инструментов необходим для раскрытия сложностей этого мира.

Тематика постколониальности современной истории Африки столь же обширна, как и сам континент. Каждый африканский регион и страна пережили колонизацию, подъем национализма и на сегодняшний день сталкиваются с очередными вызовами межрелигиозного взаимодействия в условиях нарастающей политической, социальной и культурной нестабильности. Тем не менее изучение отдельных религиозных процессов и факторов культурно-цивилизационного развития помогает определить и раскрыть множество актуальных проблем постколониальной Африки (Байбакова и др. 2015; Следзевский и др. 2022; Следзевский, Хайруллин 2021).

Научный семинар 23 марта

23 марта 2022 г. состоялся семинар Центра цивилизационных и региональных исследований «Цивилизационный транзит современного мира: концептуальные подходы» в режиме онлайн с использованием системы ZOOM. Программа научного семинара состояла из двух основных докладов и последующего их обсуждения между сотрудниками центра и гостями мероприятия. Семинар открыл доклад доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника, заведующего Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН И. В. Следзевского на тему **«Понятие цивилизационного транзита в культурно-историческом знании»**.

Доклад посвящен идентификации и номинации переходных периодов истории в истории и теории цивилизаций. Рассмотрена проблема понимания и категоризации в этой теории исторической переходности в контексте эволюции представлений о сущности и значении переходных периодов истории и формирования нового направления культурно-исторического знания – транзитологии. Тематика переходных периодов – транзитов, транзитивности относится к числу наиболее важных и вместе с тем проблемных областей культурно-исторического и в целом социально-гуманитарного знания. Научную интерпретацию переходных состояний общества и культуры трудно отделить от аподиктических образов истории, непроблематизируемых мировоззренческих установок и идеалов исторического сознания, а в его рамках историческая транзитивность неизбежно распределяется между множеством социокультурных систем (право и мораль, религия, идеология и наука, художественная и политическая культура и т. д.) и предстает как симбиоз раз-

личных культурных пластов восприятия времени истории – от архетипических образцов циклического времени до модернистских идей всемирного и поступательного хода истории. Полисемантность взглядов на явления и процессы исторических переходов дополняется разнообразием предметно-дисциплинарных полей и теоретико-методологических оснований научных исследований транзитивности.

Базовое (дисциплинарное) содержание исследований исторических транзитов невозможно представить без огромного числа исторических и культурологических работ, посвященных описанию и анализу переходных исторических эпох: Возрождения и Реформации в Европе, восточного Ренессанса в индоиранском и центральноазиатском мире IX–XII вв., ранних и поздних революций Нового времени. С конца XX в. в особую область исследований выделилась транзитивность современного общества: проблематика демократических транзитов в политологических исследованиях и в более широком междисциплинарном контексте – в связи с процессами глобализации, реорганизации системы международных отношений и мировой политики – проблематика перехода к постиндустриальному информационному обществу. В теоретико-методологическом плане, по мнению И. В. Следзевского, научное осмысление тематики переходных периодов истории осложняется недостаточной терминологической нормализацией понятия исторических транзитов в их соотношении с историческими закономерностями и ценностными предпочтениями людей, детерминированным линейным развитием истории и выбором вариантов, альтернатив исторического развития. Об этом говорит множественность понятий переходности, используемых в культурно-историческом знании: разделение культурно-исторических процессов («межэпохальность»); социокультурный кризис – дестабилизация структурного баланса, упорядоченности социокультурной системы; социальная или технологическая революция; «точки бифуркации» – состояние максимальной непредсказуемости будущего культурной или социальной системы; культурный «взрыв» – поворотный процесс всеобщей и качественной трансформации ядра семиотического поля культуры и т. д.

Вместе с тем было бы неверно рассматривать предметно-тематическое поле «переходности» в культурно-историческом знании как простое множество концептов, понятий, дисциплинарных подходов, ограниченных исключительно своими собственными содер-

жательными аспектами. При всем многообразии своего эмпирического и теоретического содержания это поле обладает значительным потенциалом меж- и трансдисциплинарной интеграции, превращения «переходности» в самостоятельную категорию теории истории и культуры. Феномен «переходности» становится одной из наиболее значимых проблем культурно-исторического знания, а его изучение трансформируется в особое направление социальных и гуманитарных знаний – транзитологию (Следзевский 2020, 2022; Кузнецов 2000). Предпосылки развития и современный научно-познавательный статус этого направления становятся более понятными и очевидными в свете парадигмального развития проблематики «переходности», включая проблематику цивилизационного транзита, ее места и роли в научном знании на различных этапах его развития.

На додисциплинарном этапе становления европейской классической науки (XVII–XVIII вв.), в пору критики христианской идеологии, открытия фундаментальных законов бытия и утверждения линейно-стадиальной парадигмы исторического прогресса, «переходность» воспринималась как закономерный и краткосрочный момент смены исторических эпох, стадий общественно-исторического развития. Отдельные объекты переходов: общества, культуры, цивилизации, при всей их сложности и специфике, выступали в этой парадигме лишь фрагментами всемирной человеческой истории. В этом скорее идентификационном, чем познавательном формате понятие «переходности» утвердилось в классической линейно-стадиальной теории цивилизаций: переходы от «дикости» к «варварству» и от «варварства» к стадии цивилизации. В XIX в., открывшем дисциплинарный этап развития классической науки, «переходности» начала отводиться роль закономерных и самостоятельных, хотя и относительно коротких периодов революционных преобразований – снятия противоречий в различных сферах общественной и культурной жизни с дальнейшим выходом на более современный этап развития.

Развернувшийся на рубеже XIX–XX вв. на фоне бурного роста социалистических движений, национализма и милитаризма кризис классического научного знания подорвал веру в непреложное, фатальное, надындивидуальное (независимое от ценностных предпочтений и устремлений человека, его культурной идентичности) действие законов истории как основание ее переходности. Новый кон-

текст понятия переходности начала определять неклассическая модель социального и гуманитарного научного знания. Эта модель не отменила классическую картину смены исторических эпох, но ограничила ее смысл и значение объективными критериями временных и пространственных рамок переходных периодов истории. Нормативами же исследования «переходности» стали такие рамки, состояния, фрагменты исторического процесса, в которых историческая реальность уже выходит за границы прежнего качественно определенного типа исторических явлений, но не достигает еще целостности нового типа, определенности и самоидентифицируемости нового качества культуры и истории. Другим нормативом стало рассмотрение «переходности» в предметно-тематическом ракурсе индивидуальной, уникальной, самобытной исторической реальности, в качестве которой могут выступать и человеческая личность, и самоорганизующееся политическое, культурное или религиозное движение, и отдельный народ, и сложившаяся самобытная цивилизация, и определенная историческая эпоха вплоть до человечества в его целостности и разнообразии переходных состояний.

Парадигмальные основы неклассического понимания и интерпретации «переходности» заложили в конце XIX в. понятие и концепция культурно-исторических типов, классифицирующие человеческие культуры в их органической целостности, исторической и локальной замкнутости. Ставшая ядром теории локальных цивилизаций, эта концепция определила неклассический вариант идентификации и номинации цивилизационного транзита: циклическое развертывание «переходности» сначала вперед – в сторону развития и совершенствования человеческих сообществ, а затем назад – в направлении их упрощения, архаизации, упадка и распада.

Однако в самостоятельное научное направление изучение типологических особенностей самих переходных периодов начало превращаться лишь с середины XX в. Первостепенную роль по своей междисциплинарной значимости, целостному охвату феномена «переходности» в становлении транзитологии сыграла системная парадигма научного знания, ставшая синтезом достижений в теоретическом осмыслении и реконструкции сложных объектов (систем). В системном видении исторических процессов «переходность» впервые предстала и как онтологический в своей основе способ снятия внутрисистемных противоречий, механизм полной функциональной и структурной реорганизации систем, и как под-

ход гносеологический, сочетающий представления о дискретности и непрерывности исторического процесса. Системная парадигма «переходности» как направленной, организованной перестройки различных уровней и типов социокультурных общностей внесла существенные коррективы и в понятие цивилизационных транзитов. Транзитивность цивилизационных процессов впервые начала связываться с наличием системной в своей основе шкалы, лестницы переходов между высшим и повседневным уровнями, типами общественного бытия и с возможностью альтернативных моделей реализации таких переходов: формирования медиативной, «срединной» культуры, с одной стороны, и резкими, инверсионными поворотами в культурной и политической жизни – с другой. Теория «осевого времени» К. Ясперса придала этому определению цивилизационного транзита значение философской и исторической категории: радикальный духовный поворот в истории, связанный с формированием высшего, трансцендентного уровня духовности и преодолением разрыва между трансцендентным и мирским порядками. Новый категориальный смысл конструкту цивилизационных переходов придает понятие «пограничного» типа цивилизаций, обусловленного предельно высоким уровнем многообразия цивилизационной системы: либо интеграция «пограничной» цивилизации в одну из уже существующих субэкумен, либо трансформация «пограничного» сообщества в цивилизационную систему классического типа (Шемякин 2001; Чагдурова 2014).

Обретая в рамках системного подхода характер синтетического научного направления (категориальное понимание «переходности» как системной и решающей составляющей исторического процесса), транзитология сталкивается с рядом вопросов, критически важных для ее дальнейшего развития: организованность и хаос, возможности и действительность переходных процессов, порядок и свобода в системе, альтернативность и выбор путей исторического развития. Для неклассической науки, стремящейся уйти от привнесения в исторический процесс культурных идеалов и ценностей исследователя, эти вопросы остаются тематически непрофильными, относящимися исключительно к сфере практического знания. Однако с конца XX в. внимание научной мысли все больше привлекают «человекообразные» объекты – сложные системы, одним из элементов которых является сам человек. Изучение таких систем очевидно требует познания не только причин, но и целей их

развития (к числу подобных систем могут быть отнесены и цивилизации). Этот уровень познания соответствует этапу развития постнеклассической науки, нацеленной на адаптивное научное знание к задачам разнообразных системных проектов, сохранение и преобразование изучающих и изучаемых систем по модели «как должно быть». На уровень постнеклассической науки понимание и изучение «переходности» поднимает складывающаяся начиная с 70-х гг. XX в. системно-синергетическая парадигма исторических процессов. Историческая реальность (в том числе и реальность макроисторических образований уровня цивилизаций) предстает как сложная самоорганизующаяся система, которая проходит в процессах социокультурного регулирования циклов возникновения упорядоченных общественных структур, их относительно устойчивого существования и затем разрушения, когда перестают нормально функционировать самые различные сферы человеческой деятельности, включая сферы управления и стабильного общественного сознания. Исходный методологический принцип синергетики кладет конец претензиям культуры и политики на абсолютный контроль над какой-либо сферой реальности, и это позволяет объединять в единый процесс, единое предметное поле периоды предсказуемых, стабильных изменений с периодами взрывов, разрывов и случайных изменений. Но смысл этого единства и заключенного в нем качественно особого состояния транзита был бы непонятен без другого ключевого и поворотного в его методологическом значении принципа синергетики – признания творческой, конструктивной роли в исторических процессах хаоса.

На уровень постнеклассического научного знания с конца XX в. выходит и современная теория цивилизаций, это открывает возможности понимания, идентификации и номинации форм цивилизационного транзита в русле системно-синергетической парадигмы. Главные элементы этой парадигмы можно обнаружить в формирующейся новой (постнеклассической) версии цивилизационной теории. Цивилизационному транзиту придается смысл реализации определенного макроисторического проекта, соотносящего ценности и нормы культуры, высшие цели / причины дальнейшего развития общества с поворотными моментами истории (жизнь Христа, Возрождение, Реформация), эти повороты приобретают значение (в цивилизационных проектах) образцового времени истории, определяющего представление людей (в том числе профессиональных

историков) о «собственной» истории (Ионов 1997). Основание цивилизационного транзита усматривается в появлении так называемых точек бифуркации, в которых системное качество «переходности» – неравновесность, хаотизация исторических процессов – достигает максимума, а способом идентификации и номинации транзита становится соотношение «переходности» с неким доминирующим и притягательным по своему смыслу и значению идеалом исторического будущего (аттрактором, в терминологии синергетики). Выбор будущего не определяется ни законами, ни вероятностью, реализуется как случайность, но обуславливает, приобретая значение макроисторического цивилизационного проекта, перспективы дальнейшего – стабильного или нестабильного, медиативного или инверсионного – цивилизационного развития.

Итак, понятие цивилизационного транзита представляет собой сложную констелляцию смыслов и значений динамики цивилизаций, обусловленную переходностью самих моделей исторического познания и связанных с ними концептов / теорий цивилизаций. Это обстоятельство серьезно затрудняет терминологическую нормализацию данного понятия, превращение его в стабильную и однозначную культурно-историческую категорию. В зависимости от типа задач, решаемых культурно-историческим знанием, классические и неклассические определения цивилизационной переходности могут возрождаться, актуализироваться, рассматриваться как отражение исторической реальности и как определенный способ организации научного мышления. В современных условиях хаотизации международных отношений и мировой политики возникает необходимость сосредоточить внимание на самых разных альтернативах и вариантах мирового развития и сделать теории истории частью проектов исторического развития, включая будущее человеческой цивилизации. Этой задаче в наибольшей степени соответствует системно-синергетический подход к феномену «переходности», а методологической задаче систематизации и нормализации смыслов цивилизационного транзита – развитие направления транзитологии. Сформулировав этот вывод, И. В. Следзевский предложил следующее определение понятия «цивилизационный транзит»: «...длительный переходный этап цивилизационного развития, возникающий в условиях разлада и распада общества или мирового сообщества, отсутствия высшего формообразующего и направляющего начала его единства, проходящий через выбор новых выс-

ших параметров (высшего порядка) бытия и нового пути в будущее и получающий завершение в результате институционального и нормативно-ценностного оформления этих параметров в качестве особого механизма общественной интеграции».

Следующий доклад старшего научного сотрудника, руководителя группы «Север – Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председателя Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, члена бюро научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН А. И. Неклессы был посвящен теме **эволюции истории: маршрутам и протоколам транзита**.

Структура антропокосмоса. Мир сложен, подвижен и упорядочен (*κόσμος*). В русле Большой истории физический космос и обитаемая вселенная (*οἰκουμένη*) постоянно изменяются, демонстрируя движение, развитие, это процесс умножения видового разнообразия и попыток коэволюции (синергического взаимодействия). Человечество – открытая, комплексная, динамическая, нелинейная, неравновесная, многофакторная, адаптивная, самоорганизующаяся система. Цивилизация – «ремонтная мастерская» антропологического космоса, она производит и реставрирует предзаданную гармонию, руководствуясь не одним опытом, но хранящимся в глубинах разума императивом. Модели глобализации – из числа проб и ошибок в осознании, понимании и воплощении идеала.

Целостность истории. История как оболочка событий, конфликтов, перемен, возникающих благодаря человеческим эмоциям, мыслям и действиям, свободна в версиях проявления на путях предзаданного эволюцией целеполагания. Ее цветущее разнообразие представляют совокупностью последовательных сюжетов в когнитивной и практической деятельности, но последовательность не обязательно линейна, а совокупность – последовательна. Результативное становление антропокосмоса предполагает формирование и удержание синергичной цельности Ойкумены – обеспечение динамической связности пространств, времен и народов; подавление энтропийного инфицирования – блужданий в аналогах ситуаций и репликациях судеб, обретение способности к проактивности и трансгрессии обыденности. Это забег на длинную дистанцию, перманентное самосостязание в опознании сути бытия и манифестации исцеленного человека.

Динамика истории. Историю генерируют перемены, демонстрируя открытый и скачкообразный характер процесса, связанный с преодолением природных ограничений и социальных препон, умножением субъектов действия, метаморфозами мировидения, передачей карт повседневности и освоением обретаемой инакости. Накопление емкости цивилизации стимулирует смену «агрегатных состояний» расширяющегося космоса – живого глобуса Ойкумены, аранжируя ритмы приливов и отливов в беспокойных водах развития: *политического* (города-государства – империи – национальные государства – трансграничная политика); *экономического* (изменение принципов и целей домостроительства, рафинирование стратегических ресурсов); *социокультурного* (конкуренция ценностных норм и поведенческих регламентов, гуманизация социума); *антропологического* (обретение персонального суверенитета, социум как координация [*adjustment*] глобальной вязи личных / групповых коммуникаций с архипелагом локальных / региональных терминалов безопасности).

Осмысление истории. История многогранна, она питается изменчивыми помыслами ума и жаром несхожих сердец. Существуют различные ее концепты, формулы, толкования (динамику общества можно измерять, скажем, развитием средств автодеструкции: исчисленная подобным образом «негативная глобализация» была достигнута приблизительно полвека назад). Осознание мира есть акт его ментального упорядочивания и произвольной редукции. Из привычных интерпретаций истории в русле «эффектов линейного видения» (Марина Можейко): а) *цивилизационная* – цивилизация осознается как процессуальное понятие (ср. варваризация), аналог эволюции (архаика – варварство – цивилизация; Древний мир – Античность – Средневековье – современность – постсовременность), но и как развитие, усложнение взаимодействий своеобразных культурно-исторических форм; б) *когнитивная* – изменение пространственно-временных координат в ментальных матрицах бытия, смена доминантного режима сознания (рефлекторное – синхронистичное – векторное – синергичное); в) *социальная* (к примеру, Марксова цепочка формаций «из царства необходимости в царство свободы» к внеэкономическому строю; стадии роста У. Ростоу и т. д.); г) *модернизационная* – маршрут от традиционного общества к индустриальному строю и далее – к постиндустриальному укладу; д) *постколониальная* – отвержение закабаленности челове-

ка – состояния колониальности, и продвижение людей к деколониальности, суверенизации, индивидуации. Есть также другие, в том числе нелинейные (например, историческая темпоральность Ж. Делеза), теологические (например, концепция Аврелия Августина о «странствующем граде Божьем» и апофеозе разделения), схоластические (ср. аналоговая онтология практики: эволюция/субсистенция, история/субстанция, события/акциденции) трактовки смысла истории и прочтения кода перемен (например, «И цзин»).

Процедуры транзита. Транзит совершается, когда сложная и подвижная природа обитаемой вселенной в своей динамике вызывает критическое возмущение, происходит хаотизация прежней и становление новой организации как результат суммы проб и ошибок с неясным прогнозом. Это своего рода *rite of passage* – преодоление пределов прежнего организма, коридор возможностей, фокусируемый странным аттрактором (*tempus est ut praetermictantur simulacra nostra*). В случае успешного прохождения пика трансформации (анастрофа) растет динамическая сложность системы, раздвигается горизонт присутствия и расширяется сфера воздействий. Результативность зависит от потенций общества, степени их реализации, способности к самоподдерживающемуся развитию, умения справляться с рекуррентностями, девиациями, застоєм, отводя или преодолевая химеричные состояния истории – ее «темные времена» и «случайности без вероятности». [Типы трансформационных процедур: а) *стохастическая хаотизация* («разбитый стакан»); б) *неоархаизация* («рассыпавшийся песочный замок»); в) *возвратный («затухающий») цикл* («маятник»); г) диссипативные *автоколебания* («скрипичная струна»); д) *эволюция* («гусеница – куколка – бабочка»); е) *коэволюция* («синергичная согласованность»); ж) *вихревая («отрицательная») вязкость* сложной среды.]

Обновление прописей и другой инструментарий. Процессы и ситуации, возникающие во время транзита, отличны от развивающихся в контексте сформировавшихся укладов, будущее не обязательно «рассматривать сквозь призму прошлого». Переход проявляет себя как дестабилизация прежнего и неопределенность будущего. Резко усложняются ситуации, ускоряются процессы, нарастают признаки турбулентности, что в свою очередь требует корректировки методов, подходов и самого языка, используемых в социальных штудиях, изменения и прояснения природы практического знания, расширения дисциплинарной рамки «окна Овертона» и ле-

гитимизации сопредельных «ультра-»/«инфра-» полей изучаемой феноменологии. Введенные в оборот неклассические подходы и процедуры порождают новую объемность исторического и социального знания для подтверждения его аналитической состоятельности и прогностической эффективности.

Прогноз (футур-история). Идеалы и архетипы определяют маршрут истории, стягивая в узлы (*nodes & hubs*) ее умножающиеся пространства и расходящиеся траектории. Постсовременный модус – своеобразная суперпозиция человечества, глобальное поле интерференции «представлений и воли» к их воплощению: молекулярные сцепления лиц с совпадающими или сопредельными территориями интересов и деятельности. Ойкумена совершает цивилизационный транзит к вероятностному состоянию (в своего рода «копенгагенской интерпретации»): неопределенному дуализму государственной и сетевой среды, резонирующей дополнительной локальных земных терминалов и трансграничных волн универсальной коммуникации, эмансипации, индивидуации, обнаруживая и осваивая уникальность. Мир молекулярных антропологических структур («систем», «галактик», «нитей») образует эволюционное фазовое пространство, где резко повышается витальность сообщества, умножая богатство глобальных взаимодействий. *«Вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени возрастает. В равновесии молекула “видит” только своих непосредственных соседей и “общается” только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы “видит” всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает»* (Пригожин 1991). Метавселенная за современной линией горизонта может являться также интегрированной системой и, образуя альтернативные контуры универсальной глобализации, заселяться, осваиваться структурами гибридной (*semi-virtual*) природы, опознавая «роль нечеловеческих агентов» (Т. Шацки), приоткрывая мир «опасных сверхсложностей» (П. Слотердаjk).

Доклады И. В. Следзевского и А. И. Неклессы вызвали большой интерес среди присутствующих, которые обсудили отдельные аспекты тематики докладов в ходе дискуссии.

Научный семинар 11 мая

11 мая 2022 г. состоялся очередной научный семинар Центра цивилизационных и региональных исследований «Цивилизацион-

ный транзит современного мира: концептуальные подходы» в очном режиме. Программа семинара состояла из основного доклада руководителя группы «Север – Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председателя Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, члена бюро научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН А. И. Неклессы на тему «**Цивилизационный транзит: колониальные империи, объединенные нации, федеративные конструкции**».

Доклад начался с утверждения, что ойкумена представляет собой эволюционирующий организм, антропологическую и пространственную структуру, в своем развитии переживающую ментальные, социокультурные и материальные транзиты (Неклесса 2013а). Ее изменчивый и комплексный атлас формируется в подвижной среде при взаимодействии ценностей, стилей, целеполагания многих стран, времен и сообществ. Расширяющееся деятельное поле – человеческая вселенная – со временем нивелирует роль географически обоснованных параметров обитания, замещая их более сложными конструктами социального космоса. Три фазы глобализации ойкумены – достижения совокупной целостности, это путь от (1) мультиимперской организации мира (его освоения, подчинения, раздела) к становлению (2) системы независимых объединенных наций и (3) к универсализации прав человека, обретению людьми персонального суверенитета.

Переход цивилизации от общих представлений о цельности земного пространства и попыток его моделирования (*globus*) к планетарной экспансии содержит две коннотации – *колонизация* и *колониализм*: хозяйственное обустройство и социокультурная культивация vs политическое господство и экономическая эксплуатация. История нашего времени – переход от колониальности к деколонизации народов, национализации территорий, самостоятельному личному, индивидуации. Взаимосвязанные траектории процесса: политическое развитие – экономическая реконструкция – социокультурный переворот. Это также изживание травм от происходящих из прошлого фрактальных волн: ушибов от столкновения эпох и провалов человечества в щели и катакомбы истории.

Колониальные империи. Первая рабочая модель планетарной организации – имперская регионализация и глобализация ойкумены. Подчинение сувереном окружающих стран (имперскость)

и колонизация метрополий территорий – аспекты единого процесса властной экспансии. Существуют два типа империй: континентальные (сухопутные, региональные) и морские (океанические, планетарно распределенные). Сухопутные известны с древних времен, на заре же Нового времени, в конце XV – начале XVI в., экономическое и техническое развитие вкупе с поступательной энергией, инициированной Реконкистой, произвели на свет глобальную европейскую экспансию – эпоху Великих географических открытий. Колонизация на данном этапе реализует себя как обретение господства над заморскими территориями, странами и народами с претензией на универсальное пространственное развитие «империй в водных просторах» (планетарный «сюзеренитет»).

Глобализация театра имперских действий запечатлена в амбициозных попытках регулирования мироустройства – международно-правовом оформлении раздела планеты: от эскизных решений римских пап Николая V и Александра VI до подписания межгосударственных договоров между главными морскими державами того времени – Испанией и Португалией. Так, 3 мая 1493 г., вскоре после окончания Реконксты и успешной экспедиции Христофора Колумба, Александр VI проводит меридиональную линию на карте в 100 лигах на запад от островов Зеленого мыса, разделив таким образом испанскую и португальскую зоны интересов. Идея подобного разграничения в несколько скорректированном виде была странами принята, и 7 июня 1494 г. они подписали Тордесильянский договор, согласно которому граница прошла в 370 лигах к западу от Азорских островов и островов Зеленого мыса.

Между 20 сентября 1519 г. и 6 сентября 1522 г. Магеллан совершает кругосветное плавание, а в 1529 г. страны заключают Сарагосский договор, по которому демаркационная линия прочертила другую сторону планеты – в западной части Тихого океана, примерно в 300 лигах к востоку от Молуккских островов. В результате Испания получила право на колонизацию практически всей Америки за исключением Бразилии и большей часть Океании, а Португалия – Африки и Азии. В процесс активного освоения планеты включаются другие страны, возникают английская (1600), голландская (1602), французская (1664) и прочие Ост-Индские компании, наделенные обширными привилегиями, включая административные и военные, колониальная палитра становится все более пестрой (действенность же прежних глобальных разграничений была

денонсирована актом, подписанным в 1777 г. в Сан-Ильдефонсо). А затем Великобритания перехватывает у прежнего колониального гегемона Испании титул империи, «над которой не заходит солнце» (*el imperio en el que nunca se pone el sol*).

Окончательное оформление правил и процедур глобальной имперской экспансии, в частности введение принципа «эффективной оккупации», состоялось на Берлинской конференции 14 стран в 1884–1885 гг. Настроения, связанные с колониальным разделом планеты и заведомой беременностью больших слабо аранжированных («булькающих») пространств спонтанными турбулентностями, становятся факторами уязвимости миропорядка, триггерами масштабного столкновения интересов, приведшими к «новой Тридцатилетней войне» (У. Черчилль). А в конечном счете – к краху имперской модели глобализации. Но у кризиса данной формулы мироустройства были и другие веские причины.

«Более совершенный порядок». В генезисе альтернативной формулы глобализации существенна роль полисной культуры самоуправления и концептов республиканской власти (перевернутая монархия), традиций тираноборчества и флюидов Реформации. Феномен *nation-state*, восприняв опыт древнегреческого народовластного строя (*δημοκρατία; πολιτεία*), римского государственного уклада (*res publica*), коммунальной и муниципальной практики европейских свободных городов, городов-республик, их торгово-политических союзов и асимметричных конфедераций, знаменовал продвижение от доменной и сословной государственности (сюзеренитет) к главенству национального сообщества, утвердив посредством Аугсбургского, а затем Вестфальского мира формальное равноправие стран и принцип национального суверенитета. Народ – «национальное сословие» (*état, state*), обретая гражданские права, становится ведущей формой внешнеполитической субъектности, широкой социокультурной корпорацией: «повседневным плебисцитом» (Эрнест Ренан), а право народа на самоопределение – одним из основополагающих принципов мироустройства. Таким образом, в едином трансформационном процессе достигалась результативность двух исторических задач: обретения странами национального суверенитета и утверждения в независимых сообществах доминирования гражданского общества (эссенции демократии). Все это обозначило иную меру человеческой жизни и другой стиль политического бытия.

Так, знаменитый акт о «клятвенном отречении», принятый Генеральными штатами Нидерландов 26 июля 1581 г. (послужив впоследствии образцом для Декларации независимости США), постулировал, что поскольку король Испании не исполнил своих обязанностей перед провинциями, он больше не считается законным правителем на их территориях: «...как Бог не создавал людей рабами правителя, подчиняющихся приказам, независимо, праведны те или нет, так и правитель управляет ради подданных – иначе он не может быть правителем <...> Когда правитель ведет себя иначе: угнетает подданных, ища возможности нарушить древние обычаи и привилегии, требуя рабского себе подчинения, тогда он не князь, но тиран, и подданные вправе счесть его таковым» (Неклесса 2013б). В результате возникла Республика Соединенных провинций.

11 (21) ноября 1620 г. приплывшие в Америку из Нидерландов и Британии пилигримы в соглашении, подписанном на борту парусника «Мейфлауэр», провозгласили, что настоящим торжественно и со взаимного согласия, перед Господом Богом и перед друг другом обязуются объединиться в гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка и сохранения и осуществления вышеуказанных целей; и на основании этого составлять, учреждать и создавать по мере необходимости такие справедливые и основанные на всеобщем равенстве законы, ордонысы, конституции и обязанности, которые будут сочтены наиболее соответствующими и отвечающими интересам всеобщего блага колоний.

В процессе поиска гражданским политическим сообществом основ и процедур более совершенного порядка, в североамериканских колониях утверждается «буржуазная» («городская») политическая культура – режим представительной демократии, разделение властей, публичность политики. 4 июля 1776 г. делегаты колоний объявляют о независимости от Великобритании (заявление о том, что соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми) и образуют новую суверенную державу – Соединенные Штаты. А в начале XIX в. антиколониальное движение охватывает территории Латинской Америки...

После деколонизации большинства территорий Северной и Южной Америки в США был сформулирован принцип биполярности миропорядка – разделения ойкумены на Старый и Новый Свет: европейскую и американскую системы государственного управления.

Эта коллизия нашла отражение в доктрине Монро, изложенной 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании Конгрессу президента США Джеймса Монро в ответ на нацеленные на реколонизацию Латинской Америки решения Веронского конгресса Священного союза. Сама же идея объявления Американского континента зоной, закрытой для европейской колонизации, принадлежала государственному секретарю Дж. К. Адамсу и как политическая позиция страны была изложена им в июле того же года. Доктрина декларировала в качестве принципа, касающегося прав и интересов Соединенных Штатов, положение о том, что американские континенты, добившиеся свободы и независимости и оберегающие их, отныне не должны рассматриваться как объект будущей колонизации со стороны любых европейских держав. Политическая система союзных держав существенно отличается в этом смысле от политической системы Америки, поэтому необходимо объявить, что нужно рассматривать попытку с их стороны распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность для ее мира и безопасности.

Становление и закрепление республиканской (солидарной) и демократической (общественный контроль) организации государственного строя привело со временем к экспансии идей и принципов суверенизации как политической эмансипации в Старый Свет и в колонизированные Европой земли, пройдя многоступенчатый путь от суверенитета сюзеренов и метрополий к суверенитету наций (вассалитет/подданство *vs* просвещенное гражданство). А через освоение конструктов Великой французской революции (1789) и «Весны народов» (1848) – к концептам перестройки глобального миропорядка: «14 пунктам» Вудро Вильсона, Атлантической хартии, Уставу ООН и Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Объединенные нации. XX в. стал временем деконструкции и континентальных, и морских империй, временем поиска новых социальных моделей и адекватных им режимов власти, этатистского шторма и универсальной деколонизации населения планеты. Тяга к пространственному доминированию замещается устремленностью к лидерству на путях в будущее, а ценностный и политический конфликт (устраняющий конкуренцию авторитарный / олигархический строй *vs* влиятельная, институализированная оппози-

ция и ретранслируемая национальной аристократией демократия) реализуется преимущественно в идеологической упаковке.

В обращении президента США Вудро Вильсона к Конгрессу от 2 апреля 1917 г., обозначившего экспансию принципов представительной демократии и отказ Америки от политики невмешательства в дела Старого Света, декларировалось, что угроза миру и свободе заключается в существовании деспотических государств, поддерживаемых силой, которая всецело подконтрольна их воле, а не воле народов этих государств. При таких обстоятельствах наступил конец нейтралитета. Мир должен стать безопасным для демократии, должен основываться на фундаменте политической свободы, необходимо сражаться за то, что всегда было близко сердцам американцев, – за демократию, за право всех тех, кто подчиняется власти, обладать правом голоса в своем правительстве, за права и свободы малых наций, за то, чтобы повсюду господствовала справедливость.

8 января 1918 г. президент представил Конгрессу заявление о принципах организации послевоенного мира («14 пунктов») как основу для переговоров с целью прекращения войны и создания универсальной системы безопасности. Здесь упомянем о двух из них: «V. Свободное, объективное и абсолютно непредубежденное урегулирование всех колониальных претензий, основанное на строгом соблюдении принципа, согласно которому при обсуждении всех вопросов суверенитета интересы конкретных народов должны учитываться наравне со справедливыми требованиями тех правительств, чьи права надлежит определить»; «XIV. Путем заключения особых соглашений образование союза государств для обеспечения равных взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности как крупным, так и малым странам».

По окончании войны почти все континентальные империи распались, моральные позиции морских оказались подорваны, была создана Лига Наций («Мировой контракт») – прообраз будущей ООН.

Во втором такте мировой войны, 14 августа 1941 г., президентом США Франклином Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем была обнародована Атлантическая хартия как «большая стратегия» и эскиз (прокреация) послевоенного миропорядка. В третьем пункте декларировалось, что

право всех народов избирать форму правления, при которой будут жить, и они желают видеть суверенные права и самоуправление восстановленными для тех, кто был насильственно лишен их. А в восьмом – устремленность к миру, по-своему трансцендирующему и национальный суверенитет, – к глобальному строю, в котором будет реализован институционально гарантированный отказ «от использования силы». Однако неудача с реализацией концепции зонтичной безопасности посредством ООН и ее миротворческих сил предопределила создание в дальнейшем региональных военно-политических союзов.

Вскоре после капитуляции Германии, 26 июня 1945 г., принимается Устав ООН, утвердивший в качестве одной из основ нового мироустройства принцип равноправия и самоопределения народов, обязывающий колониальные державы «максимально способствовать» развитию населения колоний в направлении к самоуправлению и самостоятельности. А 14 декабря 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам (рез. № 1514), призванную положить конец колониализму и любой связанной с ним практике сегрегации и дискриминации, подтвердив неотъемлемое право на полную независимость и свободу народов колониальных стран и других самоуправляющихся территорий. Так, под эгидой института Объединенных Наций как рамочного, символического конструкта *глобализации суверенитетов* апробируется эскизная симфония наций. Политический же атлас тех лет представляет новую биполярность, обрамленную умножающейся мозаикой государств третьего мира.

Ветвью государственного обустройства транслируемых из имперского текста национальных организмов, обретавших и отстаивавших независимость, является «молекулярное сцепление»: формирование союзов, конфедераций и федераций, с той или иной мерой суверенности входящих в их состав субъектов. Так, создавая Соединенные Штаты сначала как конфедерацию, а затем как сложно организованную дуальную федерацию, отцы-основатели реализовали идею, идущую от несколько иной, «кооперативной» модели Швейцарии и от сыгравшей особую роль в генезисе американской государственности Республики Соединенных провинций, используя при этом также опыт других стран и проявив собственную творческую инициативу. А деколонизация Британской Индии при-

вела в конечном счете к появлению нескольких суверенов, один из которых, Индийский Союз, пережив ряд модификаций, утвердился как обширная демократическая федерация – Республика Индия. Большая же часть имперского наследия Соединенного Королевства образовала вместе со своей бывшей метрополией Содружество наций – инновационную по гибкости структуру, объединившую 56 суверенных членов. Продуктом подобной логики является и расширяющийся Европейский союз. Федеративное государственное устройство или его черты наблюдаются у целого ряда стран: ФРГ, Бразилии, Мексики, Нигерии, Эфиопии, Австралии и др. Аналогичный вектор государственного строительства анализируется в постимперских моделях трансформации политических режимов России и Китая.

Научная конференция 21 сентября

21 сентября 2022 г. Центр цивилизационных и региональных исследований в очном формате провел научную конференцию под названием «Цивилизационный транзит современного мира: концептуальные подходы».

Программа конференции состояла из трех рабочих заседаний. Открыл конференцию председатель оргкомитета конференции доктор исторических наук, заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований И. В. Следзевский. На первом рабочем заседании (модератор – д. и. н. И. В. Следзевский) эксперты А. И. Неклесса, А. Г. Сулейманян, С. Ю. Малков, С. П. Митрахович, М. В. Хорольская выступили с докладами на тему цивилизационного транзита и постколониальности в философском, экономическом и страновом аспектах, нового миропорядка, результатов российского доклада Римскому клубу. На втором рабочем заседании (модератор – к. и. н. Р. С. Бобохонов) эксперты А. Н. Мосейко, Е. В. Харитонова, И. В. Пономарев, Т. Р. Хайруллин подняли проблемы культурных и идеологических процессов в постколониальном арабском мире. На третьем заседании (модератор – к. полит. н. Т. Р. Хайруллин) эксперты Д. С. Крылов, И. В. Кудряшова, А. Ю. Шипилов, А. Ю. Сиим Москвитина, В. Н. Семенова обсудили экономические, культурно-религиозные и политические аспекты постколониальности в страновом и региональном измерениях.

Вышеперечисленные эксперты представляли различные научные институты и исследовательские центры России, среди них –

Институт Африки РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ, ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова, ИНИОН РАН, МГИМО МИД РФ, Институт Всеобщей истории РАН, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), Московский психолого-социальный университет.

Отметим, что наибольший интерес и бурное обсуждение вызвали доклады А. И. Неклессы, М. В. Хорольской, Т. Р. Хайруллина и С. Ю. Малкова. В частности, А. И. Неклесса в своем докладе на тему «**Борьба за будущее: линии горизонта**» выделил следующие аспекты. Некоторые черты имперской организации власти: суверенитет без демократии, территориальная (а не гражданская) доминанта, социальная иерархия, унаследованный авторитарный этатизм, приватизирующий государственную машину (ср. «государство-корпорация»). Однако стремление к овладению пространствами/ресурсами посредством политико-милитарной экспансии (имперская геополитика) все больше конфликтует с развитием, замещающаяся распределенной по планете хозяйственной целостностью (транснациональная геэкономика). Складывается разветвленная густая сеть конкурирующих взаимосвязей и партнерских взаимозависимостей преимущественно в экономическом пространстве, но не только (Неклесса 2015).

На рубеже 1980–1990 гг., с окончанием третьей мировой, «холодной», войны (с отложенным на некоторый срок ее «горячим» эпилогом), распадается идеолого-политический *imperium* на востоке Европы, привнося в мир геостратегические неологизмы. Процесс конвертации в современный глобальный текст всей совокупности новых суверенов, а также авторитарных изводов и распадающихся фракций прошлых колоссов (*predatory states, failed states* и т. д.) не был завершен. Транзит осложнили разного рода постимперские рецидивы, насильственные реконструкции и волюнтаристские трансформеры. Ойкумене, подошедшей к очередному пограничью, еще предстояло пересмотреть свод прежних правил и претерпеть ряд критических настроений, пережив череду острых кризисов.

Синкопированный транзит. Транзит предполагает трансформации и предчувствует катастрофы. В новом веке по мере модификации обстоятельств, размывания ориентиров и утраты прежних мотиваций проявляется структурная сложность исторической ситуации: *co*-присутствие в ней элементов отошедшего, угасающего

и предвосхищаемого, обретаемого миропорядка. В незавершенном гештальте динамичной Ойкумены ощутима стратегическая неопределенность – плодятся противоречия и фуркации перспективы, рождаются альтернативные мейнстриму зигзаги футур-истории, умножая сценарии оккупации будущего и грядущей судьбы людей (Неклесса 2019).

Цивилизация как общемировой консенсус, компенсируя срывы, купируя риски, сковывая девиации и предотвращая их рецидивы, пытается сохранить устойчивость в водах ускоряющегося потока перемен, в то время как гражданская конверсия – изживание *внутренней колониальности* совокупностью постколониальных / постимперских стран и народов – по-прежнему представляет проблему. Универсальная нестабильность (*permacrisis*), демонстрирующая мозаичные обострения и спады, но удерживаемая в определенных консенсусом рамках, может обернуться родовыми схватками нового перманентно подвижного строя; однако обращенные лицом в прошлое «больные люди планеты» и обитатели мирового андеграунда – травматические инклюзии в современном социальном тексте – способны в транзитной сумятице реализовать угрозу глобализации конфликтов с неопределенным прогнозом (ср. с «задачей трех и более тел»). Иначе говоря, скачкообразно расширяться в пространстве и противостоять времени, рискуя превратиться в системное препятствие вязких насыпей и заболоченных заводей, сдерживающее напор истории. Или же стать триггером ее обрыва и поворотным пунктом.

Транзит (динамическая сложность, раздвигающая горизонт) на время распечатывает и приоткрывает бездну. В ментальном товарообороте наших дней импринтинг, суггестия, психодрама и сюрприз все чаще разбавляют аналитику и ее решения, питая намеками и аллюзиями, платя дань уважения, демонстрируют «оммаж» инсайту, провоцирующему спонтанное действие. Трагедия когнитивных деформаций, расщепленных утопий, перерождения амбиций в нисходящую фантасмагорию, прочие психополитические аспекты инволюционной динамики, дискутируемые сегодня, рефлексировались, начиная с зари европейской цивилизации. Роковая череда событий инициируется слепой, отрешенной от разума необузданностью либо высокомерным невежеством, то есть бесчинством (*гибрис*), порождающим общее напряжение системы, окрашивающим мир в тревожные тона (*трема*) и чреватым дальнейшим помраче-

нием сознания (*ата*), увенчанным парадоксальностью прелестной иллюзии (*апофении*), влекущей к критической ошибке (*гамартии*), с ужасом осознаваемой впоследствии (*анагноризис*), приводящей к результативности действий, противоположной желаемой (*перипетии*), а в конечном счете – к идеальному шторму и вскипанию хаоса (*катастрофе*), реализовав, таким образом, возмездие (*немесис*). В силу своей специфики особенно уязвимыми для данного «политического соблазна» (Ханна Арендт) и сопряженного с ним «государственного самоубийства» (Арнольд Тойнби) оказываются мистифицированные, идеологически ориентированные и авторитарные системы – групповые, социальные, национальные.

Атлас девиаций транзита («Четыре всадника...»). Суверенные нации образуют неоднородное мировое большинство, однако мир остается крипто-многоукладным, сохраняя в своих недрах и орбитах реликты прошлых политических институций. И все же пропорции, удельный вес систем меняются. Человечество стремится избавиться от ряда обременений прошлого, устраняя либо амортизируя паллиативы ветхой практики: ее реинкарнации, симулякры, анклавов. Объявлявший планету геэкономический / технологический универсум (система, антагонистичная конфликтогенным автаркиям, нарушающим сложную целостность распределенного множества взаимодействий) испытывает свою способность дать действенный ответ автоокупационным химерам и неоимперским грезам – деспотичной этатизации и ползучей империалистичности (*latrocinium*), то есть тяге к господству над людьми и пространствами как реминисценциям и субституту былой колониальной гегемонии. Социальное творчество – прорыв иного – формирует тем временем новые формы взаимоотношений, обретающие и обустроивающие собственную институциональную среду. Будущие геокультурные и геоантропологические конфигурации видятся в «тумане транзита» сквозь непрерывно обновляемую интеллектуальную оптику, смещая с прежних позиций символические порядки современной ментальности и линейной логики (*hic sunt dracones*) (Неклесса 2020).

Архитектура антропологического космоса, прозреваемая по ту сторону размываемого штормовым прибором квазиимперского, этатистского и автоколониального барьерного рифа, переосмысливается и преобразуется. Тектоника пришедших в движение исторических плит – как следствие удара «волны перемен» (Э. Тоффлер) – способна произвести на свет структуру глобальной связности (*jus*

gentium), при которой система международных отношений, взаимодействие локальных терминалов безопасности и трансграничных антропотоклов существенно изменятся. Сохраняя асимметрию и неравновесность, но подавив рецидивы прошлого, ойкумена получает шанс обрести динамическую устойчивость, трансформируясь в универсальную среду комплексной самоорганизации.

Персональный суверенитет. Формирование гипотетичного полифоничного универсума как социальной оболочки планеты, доминирующей (*vox populi*) над политической и экономической системой с ее ячеистыми локальностями, – содержание третьей, наиболее сложной модели глобальной ойкумены. В основе данной формулы миропорядка (синергия подвижных антропосоциальных структур с территориальными терминалами безопасности, или, в упрощенном виде, – «примат людей над учреждениями») лежит концепция естественных прав на жизнь, свободу, стремление к счастью, публичную декларацию убеждений, сопротивление угнетению, принадлежащих каждому человеку от рождения. А также идеи прогрессизма: гуманитарной эволюции, социокультурной трансформации, власти морального императива. И еще тезис об универсализации свободы передвижения и умножение чрезвычайно деятельных, все более разнообразных субъектов, обретающих новую идентичность, – актеров, сценаристов, продюсеров, режиссеров сюжетов, реализуемых на планете: шахматных фигур, способных в силу обстоятельств менять предписанную формальной кастой номенклатуру действий. Личность – инструмент социокультурного переворота, она же его цель и результат. Цивилизация – это прежде всего строй ума.

Свобода – дверь в будущее. Социальное преобразование – ветер перемен, наследуемая поколениями борьба за будущее («возможное») сложнее задачи оптимизации настоящего – хозяйственной унификации планеты. Колониальность во взаимоотношениях людей и сообществ живуча и фрактальна, в той или иной степени она соприсутствует во всех общественных конструкциях. Деколониализация индивида – обретение права быть «владельцем собственной личности» (Дж. Локк) – прошла долгий путь от запрета работорговли и ликвидации рабовладения, отмены крепостничества и отмирания сословности к кодификации личных и гражданских прав как верификации юридического равноправия, политической и персональной субъектности людей. В постимперский (*постсюзе-*

ренный) период истории это был также путь от *суверенитета государства* к *суверенитету общества* и далее к *персональному суверенитету* как предельной политической реальности – маршрут, отмеченный Биллем о правах (Великобритания, 1689; США, 1791), Декларацией прав человека и гражданина (Франция, 1789), Всеобщей декларацией прав человека (ООН, 1948). Пять «д» гуманизации общества в прошлом и нынешнем веке – ступени его эмансипации: демократизация – деколонизация – десеграция – право на разнообразие, легитимация инакости (*diversity*) – утверждение личного достоинства (*dignity*). Проблема, однако, в моральной уязвимости человека и в субъективно вероятностном (байесовском) характере многоликого строя.

История между тем расширяется и «разбегается». Просторность вселенского театра действий, пережив этап рамочной глобализации, усложняет симфонию взаимодействий, заполняясь оригинальным системно-модульным контентом (трансграничные антропосоциальные структуры) (Некlessа 2020, 2021). Ускоряется постсовременная / постколониальная динамика, умножаются миграции, иницируя инклюзивный неорегионализм, происходит смещение культур, смещение стандартов, растут ветвистость человеческих связей, формальных и неформальных коммуникаций с различной длиной орбит, плотность насыщения практики идеями и событиями, ее манипулятивность, цифровизация, виртуализация. В результате увеличивается пространство состояний, эволюционное разнообразие, интенсивность жизни, рождая пробегающие по миру и преобразующие его волны сложности.

Что привносит в этот глобальный водоворот миллиардный прилив – «рабочее тело», меняющее современные параметры, разграничения, саму антропологическую размерность ойкумены? Сугубый предмет постколониальности – не политический или экономический национализм, но трансграничное бегство от люмпенизации, избавление от искушений сервильности и коллаборационизма, прочих оскопляющих человеческое достоинство обстоятельств, ревитализация и самостояние личности, деформированной социокультурной селекцией в отчуждающей и отчуждаемой среде (культурный поворот). Цель – обретение авторской позиции (*equity*), суверенности оригинальных пространств и персональных границ (*equity*), прямое соучастие в этике и эстетике вселенского творчества в попытке в условиях «радикальной неопределенности» (Ф. Найт,

Дж. М. Кейнс) утвердить полихромную идентичность и определить стезю в русле истории. Дальний же рубеж (*high frontier*) постсовременного исхода – слияние версий многочисленного глобального племени с ренессансными токами воссоздания человека, замыслом его трансмутации (*Homo virtuoso*), а в социальном аспекте – продвижение от экспансии идей наподобие синтетического мигритюда (Ш. Патель) или размытой колористики афрополитизма (Т. Селаси, А. Мбембе) к молекулярному стилю интеграции (со своим прочтением антропологического «федерализма» и «конфедерализма»): планетарному деколонизированному космополитизму.

Технологии трансформации органичны, «телеологичны» и результативны в лоне породившей и отладившей их культуры, то есть сохраняя связь с соответствующей онтологией, выбор же меморандума и протокола реальности остается в компетенции субъекта. Десигнат глобализации – интернационализация деятельности и личная свобода передвижения. Декополиты, заселяя землю в атмосфере нахлынувшей новизны, изменяют сложившиеся этнические и социокультурные профили наций, влияют на становление постсовременности, ее смыслообразующую субстанцию – начала политической и экономической организации, темперамент общественных и культурных связей, декларируя нетерпимость к системам угнетения, в которых действует множество видов дискриминаций (ср. интерсекциональность): расизм, супремасизм, шовинизм, патернализм, другие формы насилия уничижающих господств и тиранствующих властей, проблематизируя наличные ряды ценностей и творя экспрессивные инструменты перемен (например, культура отмены, убийство репутации, «деньги все-таки пахнут», «другой имеет значение», #MeToo и т. д.). В конечном счете постколониальность сквозь оптику глобальной деколонизации суть фрактальный извод постсовременности; иначе говоря, постсовременность – это и есть универсальная постколониальность (точнее, они когерентны) (Неклесса 2020, 2022).

«История импровизируется» (А. Герцен), в разбухающей, растекающейся по планете интерлюдии растут возможности психополитической / социокультурной конкуренции и партнерства – сложной кооперации (*in concerto*) обитателей географически / административно разделенных в земном пространстве территорий и трансграничных сообществ различного толка. В этой «новой нормальности» прогрессируют самоорганизация и самореализация, усиливаются

субъективизм и волюнтаризм распределенного множества источников информации и действия, царит многоголосие идей, разнообразие методов их воплощения. Жизнь сосредоточивается на кромке истории, образуя сцепления социальных и антропологических префигураций, открывая порталы в глубины внутренних мер и весов, повышая риски поисковой активности, роль моральной нормативности, сублимации мести и ярости, нравственных ориентаций.

Предчувствие рассредоточенного, «запутанного» миропорядка (*элеветерия*) с его гротескным умножением пространств, собственным глубинным языком и темными нарративами, конфликтом этики и воображения, актуализирует тему дисперсной власти и проблематику коэволюции. Определение доминант общества сложной организации и осознание приоритетности персональных территорий стимулируют переоценку мобилизирующего инструментария, сместив акцент на социальную капитализацию эмпатии, толерантности, способности к саморазвитию и самодисциплине, оригинального характера, подобно уже произошедшей ревальвации интеллекта и таланта. Ставка делается на присущий сложившейся личности потенциал динамической упорядоченности как средство сдерживания энтропии численно растущего, массового общества. Внутренний, «образовавшийся» человек трансцендирует внешние обстоятельства (*sapiens dominabitur astris*), общее же состояние душ (вариант *wisdom of the crowd*) влияет на характер обитаемого мира, определяя его меру и форму: архитектонику социума как контрапункта космополитичной глобализации – комплексной целостности на основе персонального и соборного суверенитета.

Преобразование внутренней ойкумены сложнее как внешних технологических (даже космических) экспликаций, так и хозяйственного либо социального освоения земных пространств. Инкубация – становление общества открытой проектности, уплотняющиеся скопления («звездные ясли») общественной власти, ориентированной на взаимно-субъектные / суверенные отношения, гуманизацию (аутопоэтизм) практики, ее сетевую организацию и перманентный транзит, предполагает вызревание антропологического конфликта (который может оказаться и более глубоким) между приверженцами национального и носителями космополитичного мировидения – людьми, которым свойствен непрерывно обновляемый, принципиально неоднозначный стиль жизни (ср. «открытое произведение» У. Эко). Линии горизонта в данной эластичной си-

стеме координат – это трансгрессивная индивидуация, освобождение особенного от гнета всеобщего, уникального от коллективного, личного от публичного. Постсовременный транзит стимулирует развитие синергийных человеческих коалиций – сгустков эволюционного разнообразия конструктивного и деструктивного толка, которые оказываются генетическим материалом нового вселенского организма.

Доклад кандидата политических наук, научного сотрудника ИМЭМО РАН М. В. Хорольской касался темы **постколониальности на примере восточной Германии**. В публицистической и научной литературе термины «колонии», «колонизация» и «деколонизация» используются в том числе по отношению к регионам, которые не входили в колониальную систему. В частности, ряд восточно-германских авторов выпустили работы, в которых рассматривают присоединение ГДР к ФРГ как форму колонизации. В качестве признаков колонизации М. В. Хорольская приводит «уничтожение существующей экономической структуры», «эксплуатацию ресурсов», «замену политических и интеллектуальных элит». Однако подобный перенос аналитических конструктов в иные реалии затрудняет, по мнению докладчика, исследования процессов, происходивших в новых федеральных землях Германии.

Вместе с тем отдельные элементы постколониальной теории могут быть перенесены на другое исследовательское поле. В частности, успешной является попытка П. Кука использовать подход Э. Саида для анализа репрезентации ГДР в объединенной Германии (Cooke 2005). Это позволило Куку сделать вывод, что после 1990 г. ряд западных немцев рассматривал новых соотечественников как «Других». Это отражалось как в полярной репрезентации ГДР, где выделялись палачи и жертвы, так и в интересе к так называемой «остальгии», повседневной жизни на Востоке (Германии), которая воспринималась ими как «экзотическая». Подход к исследованию «ориентализма», представленный Э. Саидом, можно использовать при анализе других форм репрезентации ГДР.

Возможен успешный перенос на иное поле методов постколониальной теории, деконструирующих колониальную систему и постколониальный способ мышления, в частности формы репрезентации и представление о колониях, так как они позволяют деконструировать отношения, существующие и в иных исторических условиях. Использование объяснительных моделей колониальных

исследований для интерпретации иных исторических событий, напротив, может привести к серьезному искажению в анализе рассматриваемой проблемы.

Линию повествования М. В. Хорольской продолжил кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН Т. Р. Хайруллин, который акцентировал внимание слушателей на особенностях процесса деколонизации в арабском мире. По мнению докладчика, идеология традиционно играет значимую роль в выстраивании государственной политики – как внешней, так и внутренней – в рассматриваемом регионе. Формирование идеологической системы и ее последующее влияние на политические процессы началось после развала Османской империи в начале XX в. Усилившиеся панисламские и панарабские тенденции привели к национально-освободительным войнам и образованию суверенных государств. Однако процесс деколонизации перешел в активную фазу лишь после Второй мировой войны (Хайруллин 2022а, 2022б, 2022в). Послевоенное движение арабского национализма частично способствовало формированию постколониального порядка в арабском мире. Последующая идеологическая система в виде исламизма не избавилась от колониального наследия, однако заложила основу для постисламизма, который продемонстрировал свой потенциал после «арабской весны» (Он же 2021, 2022г). По мнению Т. Р. Хайруллина, идеология сыграла значительную роль в процессе деколонизации арабского мира и продолжает оказывать влияние на формирование общественно-политического климата в регионе. «Арабская весна» привела к коллективному акту преодоления традиционной зависимости от Запада и началу формирования новой идентичности. Однако ее формирование сдерживается контрреволюционными силами, которые создают серьезное противодействие.

Профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор технических наук С. Ю. Малков в своем докладе **«Современная эпоха перемен и цивилизационный транзит (о российском докладе Римскому клубу)»** на основе статистических данных и результатов моделирования пришел к следующим критически важным выводам:

1. Современный геоэкономический и геополитический кризис закономерен. Наступил период экзистенциальных угроз. Но од-

новременно это период новых возможностей (возможность российского реванша за поражение в третьей [холодной] мировой войне).

2. Мир переходит на принципиально новую фазу исторического развития, старые экономические и социальные технологии (либеральный капитализм, классический социализм) не работают. Роль геополитических субъектов в новую эпоху переходит от национальных государств к более крупным наднациональным акторам (транснациональные компании, мировые финансовые структуры, межгосударственные объединения, цивилизационные блоки).

3. Начинается борьба новых мировых проектов. Победителем в новую эпоху будет тот, чей мировой проект окажется более привлекательным и более успешным.

4. На Россию будет оказываться беспрецедентное давление, но, решая локальные задачи, нужно будет всегда иметь в виду и преследовать стратегические цели.

5. Основная проблема современной России – цивилизационная бессубъектность, отказ в 90-е годы XX в. от своего прошлого в надежде получить одобрение Запада. Прошедшие десятилетия показали пагубность такой политики. Стратегической целью России является восстановление цивилизационной субъектности (Россия должна позиционировать себя не как придаток Запада, а в качестве самостоятельной цивилизации), формирование и продвижение российского проекта мироустройства, опирающегося на российский цивилизационный опыт. Лучшая защита – нападение, нужно предложить привлекательный для большинства народов образ будущего (Мир-организм), альтернативный западным проектам. Тогда у России появятся реальная историческая перспектива и реальные союзники (Малков 2022). Соответственно, решение частных задач должно увязываться с российским проектом будущего.

Заключение

Подводя итог обзора трех научных мероприятий, посвященных проблеме постколониальности и цивилизационного транзита, необходимо остановиться на ряде ключевых выводов и проблемных точек ее обсуждения. Продолжаются дискуссии относительно дефиниций «постколониальность», «деколонизация» и «колонизация», а также их роли и места в объективации мирового развития в политическом, экономическом, социокультурном и других измерениях. Сохраняется дискурс о степени влияния колониального наследия

на отдельные страны и регионы Африки. Понимание процессов деколонизации неразрывно связано с мировоззрением, господствующей идеологией и религией рассматриваемого региона. На Африканском континенте в мировоззренческом отношении это в первую очередь взаимодействие архаики с современными представлениями о «добре» и «зле», «правильном» и «неправильном» и т. д. С идейной точки зрения в Африке до сих пор можно встретить широчайший спектр идей и политических течений: от марксизма до неомодернизма. В религиозном отношении наблюдается столкновение двух мировых религий – христианства и ислама, чьи адепты, опираясь на мировоззренческие и идеологические концепты, пытаются продвигать собственные интеграционные проекты. Многочисленные противоречия на той или иной почве существенно тормозят общественно-политическое и социально-экономическое развитие континента.

Особую проработку на конференции получил цивилизационный подход в рамках понимания постколониальной действительности, который, по мнению докладчиков, приобрел многомерный, мультиперспективный характер. Заслуживает внимания раскрытие особенностей постколониального развития на примере отдельных стран Африки.

Несмотря на неразрешенность ряда концептуальных вопросов, участники научных мероприятий, организованных Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, сошлись во мнении о необходимости продолжения дискуссии для выработки наиболее консолидированной позиции относительно такого неоднозначного явления, как постколониальность.

Литература

Байбакова, Л. В., Некрасова, Т. А., Рогулев, Ю. Н. 2015. Границы и перспективы применения транзитологии в исторических исследованиях. *Вестник Моск. ун-та. Сер. 8: История* 3: 93–118.

Ионов, И. Н. 1997. Теория цивилизаций и эволюция научного знания. *Общественные науки и современность* 6: 128–134.

Кузнецов, И. И. 2000. Парадигма транзитологии (плюсы и минусы объяснительной модели переходного периода). *Общественные науки и современность* 5: 46–51.

Малков, С. Ю. 2022. Роль и место России в эпоху глобальных перемен. *Информационные войны* 1: 2–7.

Неклесса, А. И.

2013а. Прыжок лягушки. Кризис мироведения. *СИНЛА/ИНТЕЛПРОС* 1: 1–44.

2013б. Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества. *Полис. Политические исследования* 2: 24–39.

2015. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике. *Актуальные проблемы экономики и права* 1: 93–107.

2019. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. *Полис. Политические исследования* 4: 149–164.

2020. Цивилизационный транзит: методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление). *Экономическая наука современной России* 4: 132–146.

2021. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты постмодерна. *Полис. Политические исследования* 5: 39–55.

2022. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности: предмет, методология, прогноз. К 70-летию статьи Альфреда Сови «Три мира, одна планета». *Полис. Политические исследования* 2: 130–144.

Пригожин, И. 1991. Философия нестабильности. *Вопросы философии* 6: 46–57.

Следзевский, И. В.

2020. Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы. *Мировая экономика и международные отношения* 1: 82–90.

2022. Цивилизационный транзит постколониальной Африки (постановка проблемы). В: Кирабаев, Н. С. (отв. ред.), *Африка: международная интеграция и партнерство*: ежегодник. М.: РУДН. С. 10–49.

Следзевский, И. В., Неклесса, А. И., Хайруллин, Т. Р.

2022. Идея постколониальности в современных цивилизационных представлениях. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 13: 500–543. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_14.

2023. Идея постколониальности в современных цивилизационных представлениях. *История и современность* 1: 22–62.

Следзевский, И. В., Хайруллин, Т. Р. 2021. Роль христианства и ислама в цивилизационном развитии современной Африки. *Ученые записки Института Африки РАН* 3: 96–119.

Хайруллин, Т. Р.

2021. Постисламизм: особенности, процессы и перспективы. *Азия и Африка сегодня* 9: 34–39.

2022а. Роль идеологии в формировании постколониальной эпохи в Арабском мире. *Ученые записки Института Африки РАН* 2: 49–56.

2022б. *Современный исламизм в Арабском мире*. М.: ЛЕНАНД. 224 с.

2022в. Современный исламизм в зарубежном дискурсе. *Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки* 3: 192–205.

2022г. Тенденции в политическом исламе: переход в сторону либерализации. *Общественные науки и современность* 1: 91–99.

Чадурова, Э. Д. 2014. «Транзитность» как объект философского осмысления. *Вестник Бурятского гос. ун-та* 1: 24–28.

Шемякин, Я. Г. 2001. *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте мировой истории*. М.: Наука.

Ahluwalia, P. 2000. *Politics and Post-Colonial Theory. African Inflections*. London: Routledge.

Ashcroft, B. 2008. Globalism, Postcolonialism, and African Studies. In Goldberg, D. Th., Solomos, J. (eds.), *A Companion to Racial and Ethnic Studies*. Malden, MA; Oxford: Blackwell Publishers Ltd. Pp. 511–520.

Cooke, P. 2005. *Representing East Germany since Unification: from Colonization to Nostalgia*. Oxford; New York: Berg-Berg. 256 pp.